

УДК 81.42

ЭВАЛЮАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

© 2015 г.

Н.В. Пилипенко

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир

nataliapilipenko@gambler.ru

Поступила в редакцию 11.02.2014

Предложен анализ языкового оформления эвалюативного типа описания как способа организации древнерусского текста.

Ключевые слова: древнерусский текст, словесный ряд, эвалюативное описание, частная оценка.

Общеизвестно, что описание, наряду с повествованием и рассуждением, входит в состав традиционно выделяемых функционально-смысловых типов речи. Семантика и структура описания как способа организации современного текста изучены и представлены в работах многих лингвистов (Д. Блей, Н.С. Болотнова [1, с. 249], М.П. Брандес, Н.С. Валгина [2, с. 80–93], Э. Виттмерс, И.Р. Гальперин, И.Б. Голуб, А.И. Горшков, Г.А. Золотова [3, с. 113–133], П.С. Коган, О.Н. Москальская [4, с. 57–62], О.А. Нечаева [5, с. 38–72], Т.М. Николаева, В.В. Одинцов, М.Б. Пфютце, Г.Я. Солганик [6, с. 137–142], Л.Е. Тумина др.), однако в диахронии его языковое оформление не подвергалось специальному исследованию.

Наша статья посвящена описаниям в тексте «Повести временных лет», связанным с оценкой того или иного объекта, т. е. *эвалюативному описанию* (франц. *evaluatif* – оценочный), основанному на изображении «...статичных соответствующих/несоответствующих идеалу постоянных признаков одушевленных/неодушевленных объектов оценки» [7, с. 92].

В «Повести временных лет» эвалюативное описание, как показывает наш материал, представлено частной оценкой одушевленных объектов с точки зрения следующих оснований оценки: этики (или морально-этической характеристики), эстетики ('красивый' – 'безобразный'), интеллектуальной сферы ('умный' – 'глупый'), а также практической деятельности человека.

Наиболее частотными являются описания, связанные с морально-этической характеристикой объекта, заключающейся в изображении качеств, черт, свойств действующего лица, основанных на нравственных представлениях средневекового человека. Особо подчёркиваются такие качества, как милость к убогим, правдолюбие, храбрость,

мудрость, любовь к дружине. Большое внимание уделяется приверженности к вере христианской. Подчёркивается благочестие, участие в строительстве и украшении церквей: *«Боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое и церковь ту суцую Святыхъ апостоль и попы многы набдяцю, и в них же бѣ прозвутерь, именемъ Ларионь, мужь блажь, и кни-женъ и постникъ»* [8, с. 170]; *«Бѣ же Глѣбъ милостивъ на убогия и страньнолюбивъ, тицанье имѣя къ церквамъ, тепль на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ»* [8, с. 212]; *«И рече: «Кто болий есть в вас, акъ есть Федосий: послушливъ, и кротокъ, и смиренный»* [8, с. 172]; *«Такъ бо бяше блаженный князь Ярополкъ кротокъ, смиренъ, братолюбивъ и нищелюбець, десятину дая отъ всихъ скотъ своихъ святѣи Богородици и отъ жита на вся лѣта»* [8, с. 218] и под.

Данные (и подобные) характеристики, состоящие из перечисления постоянных признаков объекта описания, выражают мелиоративную этическую оценку в линейном ряду. Ключевыми компонентами подобных эвалюативных рядов являются качественные имена прилагательные в предикативной функции, одиночные или входящие в состав синкретичных сочетаний, среди которых чаще всего употребляются следующие: *блажь, милостивъ, тепль на вѣру, кротокъ, смиренный.*

Следует отметить, что подобные ряды продуктивны и при экспликации оценки, связанной с интеллектуальной характеристикой объекта описания, основанной на запечатлении или перечислении следующих свойств, качеств, относящихся к мыслительной деятельности объекта описания: ума, житейской мудрости, книжности (под книжностью подразумевается умение толковать библейские тексты): *«И бяше около города лѣсь и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяхуть бо мудрѣ и смыслени, и*

нарицахуся поляне» [8, с. 28]; «Бѣ же се мужь не книженъ и умоу простъ и просторѣкъ» [8, с. 220] и под.

Иногда для выражения процессуального признака объекта описания в эвалюативных рядах используются глагольные формы: «И поча жити ту, моля Бога, яды хлѣбъ сухой и того чересь день, и воды в мѣру вкушая, и копяя печеру, и не дадя собѣ покоя ни день, ни ночь, въ трудѣхъ пребывая, въ бѣдѣни и въ молитвахъ» [8, с. 170]; «Сий благовѣрный князь Всеволодъ бѣ измлада любя правду и набдя убогия, и воздая честь епископомъ и прозвутеромъ, излиха же любляше чернорисицѣ и подаваше требованье имъ» [8, с. 226] и под. В данных фрагментах нет специальных оценочных словоформ, но в целом просматривается мелиоративная оценка образа жизни объектов описания, которая явно согласуется с требованиями к поведению, продиктованными особенностями христианской морали. Наиболее частотными являются формы глаголов в прошедшем/настоящем времени с существительным в винительном падеже (реже в родительном и дательном): *провидѣ будующая, обличаше мысль его, утѣшаше брата, войны многи творяше, возъ не возяше, подѣкладъ постилаше, любяше дружину повелику, любя правду, смерть горку прия, десятину даю, моляше Бога всегда, съвлечеша грѣховныя одежда, въ новый Адамъ облѣчес, творяше молитву, въстаетъ из ноци, ни Бога ся боить, ни человекъ стыдиться, ни креста боиться, имѣния не щадяще, ни питья, ни ядения не браняше, кривды ненавида, любимъ бѣ книгамъ, посылаше къ странам, въчнѣи жизни и покою сподобися, живъ по закону Божию и т. д.)*

Приведённые выше характеристики состоят из мелиоративной оценки, перечисления достоинств объектов описания. Приведём примеры отрицательных характеристик. В основе пейоративной оценки – поступки, являющиеся неблагоприятными с точки зрения христианской морали. «Бѣ же Володимиръ побѣженъ похотью женскою... И бѣ несуть блуда, и приводя к себѣ мужьскыя жены и дѣвици растляя. Бѣ бо женолобець, яко и Соломонъ: бѣ бо у Соломона, рече, женъ 700, а наложеньницъ 300. Мудръ же бѣ, а на конѣць погиге; съ же бѣ невеглас, на конѣць обрѣте спасение» [8, с. 163]; «Въ 20 того же мѣсяца, въ день пятокъ, въ час 1 дне, прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай, хыцникъ, къ Киеву внезапно, и мало в городъ не вогнаша половци, и зажгоша болонье около города, и увратишася на монастырѣ, и пожгоша манастирь Стефанечъ, деревнѣ и Германечъ» [8, с. 240].

Кроме персональных и единообразных морально-этических характеристик, в тексте «По-

вести временных лет» содержатся описания, не связанные с конкретными историческими лицами. Например: «Золь человекъ тищиться на злое, не хужьшии есть бѣса, бѣси бо бояться Бога, а золь человекъ ни Бога ся боить, ни человекъ стыдиться; бѣси бо креста Господня бояться, а золь человекъ ни креста боиться» [8, с. 150].

Данное описание связано с обобщённым образом злого человека и представляет собой контекст, построенный на основе сравнения. В качестве основания сравнения в нем используются синкретсемичные глагольные формы (*тищиться на злое, ни Бога ся боить, ни человекъ стыдиться, ни креста боиться*), реализующие субъектно-объектные отношения через выражение предикативного признака субстанции и наряду с прилагательным *хужьшии* – семантическим маркером контекста – содержащее пейоративную этическую оценку объекта описания. На пейоративную оценку указывает и эталон сравнения – *бѣси*, в христианской религии являющийся символом безнравственности и отступления от морально-этических норм.

Наряду с морально-этической и интеллектуальной характеристикой в «Повести временных лет» представлена характеристика практической деятельности человека: указание на род занятий объекта описания, а также описание деятельности людей, в ходе которой они, воздействуя на материальный мир и общество, преобразуют их. Например: *И роди Адамъ Каина и Авеля, и бѣ Каинъ ратай, а Авѣль пастух* [8, с. 104]; *Бѣ же и другий братъ, именовъ Матфѣй, той бѣ прозорливъ* (под прозорливостью подразумевается умение предсказывать будущее) [8, с. 202] и под.

Ядерными для описания практической деятельности человека являются контексты с интенсифицирующими предикативными конструкциями [7, с. 61]: *бѣ Каинъ ратай, а Авѣль пастух, той бѣ прозорливъ* и под. Эти контексты содержат указывающие на род деятельности имена прилагательные в предикативной функции, употребляющиеся в постпозиции с существительным – объектом описания.

Следующий контекст содержит описание деятельности русского князя Ярослава: *Заложу Ярославъ городъ великий Киевъ, у него же града врата суть Златая; заложу же и церковь святыхъ Софья, Премудрость Божию, митрополью, и по семь – церковь на Златыхъ вратѣхъ камени святыхъ Богородица Благовѣщение* [8, с. 164–166]. Описание заслуг прославленного своей мудростью князя представляет собой логически упорядоченный словесный ряд, состоящий из наименований географических объектов, объединённых между собой пространственными свя-

зями. Ключевым компонентом этого описательного контекста являются топонимы и экклезионимы: *Кыевъ, врата суть Златая, церковь святыя Софья, церковь на Златыхъ вратъхъ*. Для выражения процессуального признака используется глагол *заложу*, реализующий пространственные отношения через выражение предикативного признака субстанции. Данный глагол содержит также мелиоративную оценку деятельности объекта описания на уровне контекста с точки зрения значительности вклада в развитие и укрепление христианской веры.

В отличие от морально-этических характеристик, описания внешности в древнерусских текстах отличаются меньшей распространённостью. Они эмблематичны, единообразны, никак не связаны ни с внутренней жизнью, ни с психологическим состоянием человека и сводятся к запечатлению внешнего признака объекта описания (*И бысть отроча красно...* [8, с. 96]; *Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозъхъ* [8, с. 98]) или к перечислению деталей его внешнего облика, среди которых рост и части тела (*превеликъ зълъ и страшень, великъ и силенъ, средний тълъмъ, мышьди его и голени, яко видъ мѣди блестящеса, лядвия его припоясани златомъ чистомъ, и тѣло его, аки фарсисъ, мышци ему плещи подобни мѣди чистѣ, съставѣ не распалися быша, и власи главнии притяскли бяху, великъ и тяжекъ, върастомъ же лѣтъ, дебелъ тѣломъ, тѣломъ великъ*), лицо (*лице его, яко видъ молъиный, очи его, яко свѣщи, лице ему, аки молня, и очи ему, яко свѣщи огненѣи, красень лицемъ, добру суцю лицем, чермномъ лицемъ, великома очима, взоромъ красень*), детали одежды (*луда у него златомъ истькана, одѣнь в багоръ, одѣнь въ пѣстро, и лядвия его припоясани златомъ чистомъ, вси в сапозъхъ*).

В «Повести временных лет» встречаются как мелиоративные, так и пейоративные описания внешности. Причем пейоративных описаний в тексте значительно меньше, чем мелиоративных, и связаны они либо с отрицательным объектом описания [9, с. 194], либо со знаменами, предвещающими какой-то неблагоприятный исход. «Онъ же рече: «Бози наши живутъ въ безднахъ. Суть же образомъ черни, крилати, хвостъ имуци; въсходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ. Ваши бози на небесѣхъ суть. Аще кто умреть от вашихъ людий, то возносимъ есть на небо, аще ли от нашихъ умираетъ, но носимъ есть к нашимъ богомъ въ бездну» [8, с. 192]; «Паки же при Маврикии цесари бысть се: жена дѣтище роди безъ очью, безъ руку, въ чресла бѣ ему рыбый хвостъ приросль; и песь родися шестоногъ; въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4

ногах, а другой о двое главу» [8, с. 178]; «В та же времена бысть дѣтище въвержено въ Сѣтомле. Сего же дѣтища выволокоша рыболовъ в неводѣ, его же позоровахомъ и до вечера, и паки вывѣргоша и въ воду. Бяше бо на лицѣ его сице срамнии удове, а иногю нѣльзѣ казати срама ради» [8, с. 176].

Нередко описание внешности находится в одном ряду с интеллектуальной или морально-этической характеристикой объекта: «Бѣ бо великъ и тяжекъ Болеславъ, яко ни на кони не моги сѣдѣти, но бяше смыслень» [8, с. 156]; «Бѣ же Ростиславъ мужъ добръ на рать, върастомъ же лѣтъ и красень лицемъ, милостивъ убогимъ» [8, с. 180]; «И видѣвъ ю добру суцю лицем и смыслену велми...» (о княгине Ольге) [8, с. 74]; «И бѣ у него сынъ красень лицем и душею...» [8, с. 96] «Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермномъ лицемъ, великома очима, храбръ на рати, и милостивъ, и любяше дружину повелику, и имѣния не щадяще, ни питья, ни ядения не браняше» [8, с. 164]; «Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красень, тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, кривды ненавида, любя правду. Клюкъ же в немъ не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло» [8, с. 214]; «Бѣ же Глѣбъ милостивъ на убогия и страннолюбивъ, тцанье имѣя къ церквамъ, теплѣ на вѣру и кротокъ, взоромъ красень» [8, с. 214].

Описания внешности представлены в «Повести временных лет» конструкциями двух типов. К первому типу (он является наиболее распространённым) относятся контексты, в основе которых эволюативный ряд из имен прилагательных в предикативной функции, одиночных (*великъ и силенъ*) или входящих в состав синкретем. Среди последних наиболее частотны специальные оценочные синкретемы, содержащие «особый показатель оценочности – творительный падеж отношения» [7, с. 75] (*средний тѣломъ, образомъ черни, върастомъ же лѣтъ, красень лицемъ, добру суцю лицем, красень лицем и душею, дебелъ тѣломъ, взоромъ красень, тѣломъ великъ*).

Менее распространены эволюативные ряды, состоящие из глагольных форм (*съставѣ не распалися быша, власи главнии притяскли бяху, златомъ истькана, одѣнь въ пѣстро, припоясани златомъ чистомъ, одѣнь в багоръ, образомъ челоуѣкомъ являющася, хвостъ имуци*).

Ко второму типу относятся описания, представляющие собой предикативные конструкции, включающие определительное местоимение и существительное в предложном падеже: *Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозъхъ* [8, с. 98] (оценка подобных объектов осуществляется на уровне контекста); а также аксиологические

предикативные конструкции, состоящие из глагольной связки и атрибутивного словосочетания: *И бысть отроча красно; И выступи мужь Володимѣрь, и възрѣвъ печенѣжинь и посмѣся, – бѣ бо средний тѣломъ* [8, с. 138].

В следующем фрагменте, содержащем особое мелиоративное описание, связанное с описанием тела умершего, оценка выражена на контекстуальном уровне: *Игумень же прииде съ двѣма братама. И прокопах велми, и влѣзохъ, и видихом мощѣ его лежащѣ, но съставѣ не распалися быша, и власи главнии притяскли бяху* [8, с. 222]. Глагольные формы (*не распалися быша, притяскли бяху*) указывают на неподверженность тлению тела умершего, что свидетельствует о соответствии поведения объекта описания нормам христианской морали.

Как показывает наш материал, эвалюативное описание, представленное в древнерусских текстах XI–XII веков частной оценкой одушевлённых объектов, – достаточно распространённый тип описания в древнем тексте. В основе структуры большинства описательных контекстов – эвалюативные ряды, состоящие чаще всего из качественных имён прилагательных в предикативной функции, реже – глаголов, обозначающих предикативные признаки субстанции, выражающие оценку объекта в линейном ряду при помощи специальных оценочных синкретем, а также на уровне контекста. Главным критерием оценки

объектов описания являются моральные ориентиры человеческого поведения, основанные на христианском идеале нравственности.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста: Учеб. пособие. М.: Логос, 2004. 280 с.
3. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979. С. 113–133.
4. Москальская О.И. Грамматика текста. Пособие по грамматике немецкого языка. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
5. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974. 261 с.
6. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1997. 256 с.
7. Пименова М. В. *Красотою украси*: выраженные эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
8. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / Сост. и общая ред. Лихачева Д.С. и Дмитриева Л.А. М.: Худож. лит., 1978. 413 с.
9. Никольская А.Б. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе // Сб. ст. к 40-летию ученой деятельности А.С. Орлова. Л., 1934. С. 191–200.

EVALUATIVE DESCRIPTION IN THE OLD RUSSIAN TEXT (AS EXEMPLIFIED IN «THE TALE OF BYGONE YEARS»)

N.V. Pilipenko

In this article we analyze the linguistic execution of evaluative description as a way of organizing the Old Russian text.

Keywords: Old Russian text, verbal series, evaluative description, specific assessment.

References

1. Bolotnova N.S. Filologicheskij analiz teksta: Ucheb. posobie. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2009. 520 s.
2. Valgina N.S. Teoriya teksta: Ucheb. posobie. M.: Logos, 2004. 280 s.
3. Zolotova G.A. Rol' remy v organizacii i tipologii teksta // Sintaksis teksta. M., 1979. S. 113–133.
4. Moskal'skaya O.I. Grammatika teksta. Posobie po grammatike nemeckogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1981. 183 s.
5. Nechaeva O.A. Funkcional'no-smyslovye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie). Ulan-Udeh, 1974. 261 s.
6. Solganik G.Ya. Stilistika teksta: Ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 1997. 256 s.
7. Pimenova M. V. Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie ehsteticheskoy ocenki v drevnerusskom tekste. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Vladimir: VGPU, 2007. 415 s.
8. Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Nachalo russkoj literatury. XI – nachalo XII veka / Sost. i obshchaya red. Lihacheva D.S. i Dmitrieva L.A. M.: Hudozh. lit., 1978. 413 s.
9. Nikol'skaya A.B. K voprosu o «slovesnom portrete» v drevnerusskoj literature // Sb. st. k 40-letiyu uchenoj deyatelnosti A.S. Orlova. L., 1934. S. 191–200.